

Роза Шорникова

МОМЕНТ СБЛИЖЕНИЯ

16+

Роза Абрамовна Шорникова

Момент сближения

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42210219

SelfPub; 2019

Аннотация

В книге описаны реальные истории. Сколько разных событий происходит вокруг нас, сколько разных людей мы встречаем на своем пути, сколько разных судеб так или иначе переплетаются с нашей судьбой. Когда наступит момент сближения? И наступит ли?..

Содержание

Золотая рыбка	4
Жар-птица	7
Воскресные будни	10
Париж – город любви	14
Чужого не возьму, своего не отдам	31
Живем!	46
Каждому – свое	70
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Золотая рыбка

Она лежала на кровати – маленькая, сухонькая. Вокруг суетились какие-то люди, о чем-то говорили вполголоса, звякали шприцами, что-то обсуждали. Ей было все равно, ее это не касалось...

...Он увидел ее на улице. Вернее, он увидел огненно-золотое облако, летящее над хрупкой точеной фигуркой. Шелестели зеленоватым серебром пирамидальные тополя, журчал арык, бегали чумазые узкоглазые ребятишки. Но он ничего не замечал, он, словно зачарованный, шагал за ней и боялся даже моргнуть, чтобы это чудо вдруг не исчезло...

...Она знала, что он идет за ней, хотя и не видела его. Она немного замедлила шаг и чуть-чуть встряхнула головой. Она наслаждалась этим мгновением обольщения и обожаения. Она знала, почему делает это, и прощала себе такую маленькую женскую шалость...

...Боже мой, он никогда не видел ничего подобного! Девушка немного повернула голову, и от этого огненного шара в разные стороны посыпались золотые искорки, переливаясь на ярком солнце. Он пытался представить себе ее глаза. Они должны быть каре-золотыми или зелеными, и непременно очень большими. Ему очень захотелось в них заглянуть. Он прибавил шаг...

...Она почувствовала его приближение. Все, пора!

Остальное – бессмысленно! Она резко остановилась и повернулась лицом к юноше.

Какое чудо! Он не ошибся! На него смотрели удивительной красоты огромные с поволокой миндалевидные глаза. Казалось, еще мгновение – и он ринется туда, в эту изумрудную бездну, чтобы уже никогда оттуда не выбраться. А в следующее мгновение он увидел ее лицо, обезображенное сморщенной зарубцевавшейся кожей. Давнишний след, оставленный безжалостным огнем.

Она виновато улыбнулась, развернулась на каблучках и зашагала прочь. У него не хватило сил ее остановить...

Прошло две недели. Он ждал ее у ворот больницы, где она работала. Как он узнал, где она работает? Они даже не поздоровались, а просто кивнули друг другу и молча пошли рядом. Они знали, куда и зачем идти, и этого было достаточно.

Как им было хорошо вдвоем! Маленький уютный чистый домик, ухоженный сад. Много цветов! Она очень любила их – разные, душистые, красивые. Но каждый год на ее День рождения он приносил огромный букет желтых роз. Почти золотых. Она прижимала ароматные цветы к своей груди, и волосы, рассыпанные по плечам, касались нежных лепестков. А он никак не мог насмотреться на свою Золотую Рыбку.

Бог не дал им детей, и он всю свою любовь и нежность дарил только ей. Если бы было можно, он бы все время носил ее на руках, такую маленькую, беззащитную, только его.

С войны он вернулся живой, с трофеями: необычайной

красоты платьем и маленькой обезьянкой. И не важно, что бумажное платье при первой же стирке растаяло, а мартышку, из-за несовместимости характеров, пришлось отнести в зоопарк. Главное, что они опять были вместе.

...Его не было с ней уже 17 лет 3 месяца и 8 дней. Она точно знала, сколько лет, месяцев и дней она живет без него...

...Какие смешные! Думают, что она ничего не слышит и не понимает. Зачем суетиться, ни к чему все это. Завтра – ее день рождения. А значит, ей надо быть там, рядом с ним, среди золотых роз и вечности...

Лето, 2002, Дедовск

Жар-птица

*Жар-птица Осень, ты так красива!
Скажи, откуда берутся силы
Зажечь огнями сырое небо,
Наполнить снами седую небыль?..*

Солнце светило так, словно хотело вылить на уже остывающую осеннюю землю весь оставшийся запас своего тепла, не израсходованный за долгое дождливое лето. По чистому ярко-голубому небу свободно гуляли легкие облачка. Ветер качал деревья, стараясь сорвать как можно больше разноцветных листочков. Он сильным порывом поднимал их высоко-высоко и внезапно затихал. А они невесомые, окруженные ореолом солнечного света, медленно опускались, переливаясь всеми цветами бордово-золотой осенней радуги.

*Жар-птица Осень крылом взмахнула,
С ковровых просек узор взметнула... —*

В голове крутились неведомо откуда-то появившиеся строчки. А ведь и вправду похоже! Стоит лишь немного прищурить глаза. Вот она, огромная, сказочная, распушив свой великолепный хвост, безумствует в неугасаемом танце, рассыпая повсюду свои яркие перышки.

— Девушка, мы выходим или обратно поедем?

Водитель улыбаясь смотрел на нее.

– Извините, задумалась, – виновато пролепетала Марина и стала выбираться из маршрутки.

– Бывает, – он понимающе кивнул.

До дома было всего несколько минут ходьбы. В песочнице играли дети, их мамы и бабушки тут же на лавочке делились последними дворовыми новостями. Шелестели листвою обычные тополя и клены. Стоял обычный теплый день обычного бабьего лета.

– Сказки все это. Как маленькая... – усмехнулась про себя Марина и стала подниматься на третий этаж.

Она любила свою квартирку, небольшую, но очень уютную и светлую. Вот и сейчас теплые лучи проникали в каждый уголок, переливаясь и отражаясь ото всего, что могло блеснуть. Марине снова показалось, что она видит...

– Ну, хватит, а то так и «съехать» недолго, – подумала она. – Скоро дети придут, а у меня еще ничего не готово.

Салат, порезанный ровными кубиками, высился аппетитной горкой, на маленьком огоньке тихонько попыхивало жаркое, из духовки по всей квартире разносился аромат допекающихся пирожков.

Марина устало присела и критически осмотрела стол, перебирая в уме, что еще надо бы сделать.

Она увидела ее каким-то боковым зрением или просто почувствовала, что эта чудо-птица где-то рядом. Повернула голову. Так и есть. Вот она! Опять резвится, и как только

сил хватает? Марина невольно подошла к раскрытому окну и протянула руку.

Птица кружилась перед ней, взмахивая своими искрящимися крыльями. Длинные реснички прикрывали глазки, острый клюв то открывался, то закрывался, словно она хотела ей рассказать, как хорошо вот так беззаботно парить в теплых лучах закатного солнца. А может быть, она приглашала ее с собой?

Марина опять прищурила глаза, и вдруг ей показалось, что она летит. Легко и свободно. В самую глубину этого бесконечного небесного океана без дна и берегов...

– Бабушка, я тебя зову, зову, а ты не слышишь. Смотри, что я тебе принесла, – девочка, подняв к ней руку, помахала букетиком из осенних кленовых листьев. – Правда, похоже на жар-птичkin хвостик?

– Птичка ты моя дорогая, – засмеялась Марина. – Поднимайтесь скорее, а-то пирожки стынут.

Она смахнула с руки маленький сухой листочек и пошла открывать дверь.

*В лучах заката листок кружится,
Он был когда-то пером Жар-птицы...*

Лето, 2002, Дедовск

Воскресные будни

Будильник прозвенел ровно в 6.30. Нина потянулась, откинула одеяло и быстро встала с постели.

– Ты куда? – сонно спросил муж.

– Спи, спи, рано еще, – тихо ответила Нина и вышла из комнаты.

Приоткрыв дверь в детскую, она взглянула на дочь. Алинка спала, положив ладошку под щечку. «Совсем большая», – с нежностью подумала Нина и прошла в ванную.

В 7.00 она вышла на улицу. Было еще темно. Легкие мелкие снежинки серебрились в свете фонарей. Город еще спал, набирая силы перед новой трудовой неделей. Нина шла по пустой улице и с наслаждением вдыхала морозный чистый воздух, еще не отравленный бензином, шумом и суетой. У нее было целых два или даже два с половиной часа, которые она один раз в две недели дарила сама себе. Это было ее время, когда она могла позволить себе думать только о приятном и только о том, о чем ей самой захочется. И как здорово, что она вчера успела переделать все домашние дела. Приготовила вкусный обед на два дня. Все убрала, перестирала и даже, чем она особенно внутренне гордилась, перегладила большую гору белья, которая копилась, наверное, уже недели три. Как она не любит гладить, но что делать – надо!

И сегодня они наконец-то смогут провести целый день

встроим, ни на что не отвлекаясь. Давно обещали дочке сходиться в кино, и вчера тоже был об этом разговор. А ведь и правда. Она сегодня совершенно свободна, как «Пятачок до пятницы». И муж вроде бы был согласен. А потом можно просто погулять, погода-то какая – прелесть!

Погруженная в эти приятные мысли, Нина незаметно дошла до парикмахерской. Косметолог Танечка уже ждала ее, разложив на маленьком столике кремы, лосьоны, салфетки.

– Доброе утро, Танечка, – весело поздоровалась Нина.

– Здравствуйте, Нина Борисовна, – приветливо ответила девушка.

Нина поудобнее устроилась на кушетке и закрыла глаза. Упругие пальцы девушки начали аккуратно массировать лоб, щеки, шею, вызывая приятный озноб по всему телу. «Как все хорошо складывается», – улыбаясь про себя, подумала она. «И Алинка будет счастлива, она так давно этого ждала», – мысли опять вернулись к предстоящей программе выходного отдыха. «Какая я все-таки молодец, что все перегладила», – это было последнее, о чем подумала Нина, проваливаясь в сладостный сон...

Домой она вернулась в 9.30, успев по пути заскочить в магазин за свежим молоком и сметаной. Осторожно, чтобы никого не разбудить, Нина разделась, поставила сумку с продуктами на стол и подошла к зеркалу. «Все-таки массаж – большое дело», – довольно констатировала она, придирчиво

разглядывая посвежевшую кожу лица. «Нет, надо обязательно делать. Хотя бы два раза в месяц», – словно приказала она себе и пошла готовить завтрак.

Через полчаса на столе дымилась ароматная горка тонких кружевных блинчиков. Словно на запах из своей комнаты выползла Алинка.

– Иди умойся и разбуди папу, – целуя дочку, сказала Нина.

Муж появился на кухне, когда они уже сидели за столом.

– С добрым утром, девочки! Что тут у нас сегодня вкусенького? – спросил он, поддевая вилкой блинчик и окуная его в блюдечко со сметаной.

Нина поставила перед ним большую чашку кофе с молоком.

– Папочка, так куда же мы сегодня пойдем? – спросила Алинка, нетерпеливо ерзая на стуле и слизывая сметану с пальца.

– И чего ты не видела в этом кино? – устало отозвался отец, – и так целыми днями перед телевизором сидишь. Да, между прочим, я совсем забыл, – продолжил он, повернувшись к жене, – звонили Вольские, зайдут сегодня.

– Какие Вольские? – не поняла Нина.

– Ты что, с Луны свалилась? У тебя много знакомых Вольских? – в свою очередь удивился муж. – Валентин с Любой, конечно.

Нина растерянно посмотрела на дочь.

– Так, понятно, «кина не будет», – усмехнулась та. – Лад-

но, пойду к Наташке. Может хоть видик посмотрим.

Она медленно встала из-за стола и вышла из кухни.

– Ну, я же говорил, что никакой разницы, только время терять, – вдогонку отозвался отец.

– Что же ты меня не предупредил? – Нина повернулась к мужу.

– А что предупреждать-то, званый обед что ли? Сделай салатик да беляшиков. Валентин все твои беляши забыть не может. Не бери в голову, – он вытер губы салфеткой и чмокнул ее в затылок. – Спасибо, пойду немного почитаю.

Нина собрала со стола грязную посуду. А ведь все так хорошо начиналось. И белье-то она погладила. Господи, далось ей это белье! Что она не человек, что ли? Вот сейчас пойдет и скажет ему, что не нужны ей никакие гости, тем более Вольские, что она тоже всю неделю работала, что хочет пойти в кино с дочкой, а если он не хочет идти с ними, так пусть остается дома и сам встречает этих своих Вольских, что... Нина решительно вошла в комнату. Муж спал, закинув голову на спинку кресла, книга съехала на ковер, руки безвольно лежали на коленях. «Устал», – Нина осторожно сняла с него очки и вышла, прикрыв за собой дверь. «Ладно», – подумала она, возвращаясь на кухню. «Имеют же они, в конце концов, право хоть в выходной день покушать что-нибудь вкусненькое», – и вытащила из нижнего шкафчика пакет с мукой.

Ноябрь, 2002

Париж – город любви

Мария Леонидовна сидела за столиком маленького уютного кафе в самом центре Парижа и пила свой любимый кофе. Здесь готовили удивительно вкусный кофе. Подавали его в серебряной турочке и непременно с горячим молоком в маленьком фарфоровом молочнике.

Мария Леонидовна была женщиной довольно взрослой, самостоятельной и одинокой. Она привыкла единолично распоряжаться своей жизнью. Ей это нравилось. Ее это вполне устраивало. В молодости она, конечно, мечтала о любимом мужчине, семье, детях. Но время шло. Мечты о спокойном семейном уюте оттеснялись все нарастающим темпом повседневной жизни, а потом и вовсе почти исчезли. И Мария Леонидовна успокоилась. Значит, не судьба.

Приближался вечер. Спешили по домам с работы парижане, зажигались витрины, кафе постепенно заполнялось посетителями. По их спокойному и уверенному поведению было видно, что они здесь нередкие гости.

– Интересно, – вдруг подумалось ей, – как так получилось, что я ни разу не была в Париже?

Она машинально пожала плечами, отвечая на свой же вопрос, и аккуратно поставила на блюдечко изящную кофейную чашечку. Действительно, она побывала почти во всех странах мира, а здесь сейчас оказалась всего на одну неделю,

да и то по туристической «горящей» путевке.

– Мадам еще что-нибудь желает? – поинтересовался услужливый официант. Мария Леонидовна попросила счет и достала из сумочки маленькое зеркальце и губную помаду.

Мария Леонидовна медленно шла, время от времени сверяя названия улиц с картой, где красной точкой был обозначен их отель.

Вечерний город... Очень похожий на сотни других и такой неповторимый. Каждый из этих городов запоминался каким-то еле заметным штрихом, присущим только ему. Мария Леонидовна шла по вечернему Парижу и не могла понять, что же именно отличает этот загадочный город от других? Романтика и удаль знакомых с детства героев Александра Дюма, любовь несчастного Квзимодо, тонкий аромат вина, галантность французских кавалеров, неповторимое грассирующее «р-р-р»? Что именно? Или все сразу?

Мария Леонидовна не заметила, как подошла к отелю, и тут ее окликнули.

– Мария Леонидовна, как хорошо, что я вас встретил, – мужчина из их группы шагнул ей навстречу, – добрый вечер!

– Добрый, – машинально ответила она, с удивлением глядя на него.

Она выделила его изо всей группы в первый же день. Шатен среднего роста, средних лет, но очень уверенный в себе. Ей с юности нравились такие мужчины. Звали его Сергеем. Отчество она не запомнила. На всех экскурсиях, в рестора-

не, везде он был с миловидной дамой, выглядевшей немного старше его. Было видно, что они с большой нежностью относятся друг к другу. «Странно, а живут в разных номерах?» – мелькала любопытная мысль при каждой встрече на этаже, но тут же исчезала, так как Мария Леонидовна очень не любила без приглашения влезать в чужие дела.

– Вы нас не выручите? – Сергей с улыбкой смотрел на нее.

– Конечно, – с готовностью ответила Мария Леонидовна, – а что случилось?

– Да вот, взяли билеты в театр, а сестра умудрилась вывихнуть ногу. Может быть, пойдете со мной, когда еще придется?

«Сестра», – почему-то в первую очередь отметила про себя Мария Леонидовна.

– Спасибо, с большим удовольствием.

– Ну, вот и отлично, – Сергей продолжал улыбаться, – встречаемся здесь через полчаса. Идет?

Не сговариваясь, словно по команде, они развернулись и одновременно шагнули к лифту. И оба рассмеялись.

* * *

Знаменитый «Гранд Опера». «Вот, наверное, еще одно парижское ощущение», – невольно подумала Мария Леонидовна, рассматривая внутреннее убранство театра. Фрески, картины, воздух, пропитанные самой Историей, удивительным

образом сочетались с великолепием живых цветов. Великая музыка прошлого словно материализовалась в этих неповторимых красках и продолжала свое звучание.

– Как красиво, чудо, просто чудо, – шептала Мария Леонидовна, переводя взгляд с одной композиции на другую. Прелюдия живых цветов. Неповторимое сочетание вечного и настоящего.

Зрители не спеша потянулись в зал. Начинался спектакль. И опять Марию Леонидовну охватило волнующее чувство чего-то необычного. Ни в одном театре мира с ней не случилось такого. Она словно растворилась в этой музыке, словно оказалась внутри её. Или музыка наполнила её саму. Это невозможно было понять. Ей казалось, что все, кто находится сейчас в зале – и музыканты, и актеры, и зрители, и сама сцена, – все качаются в такт музыке на ярких разноцветных волнах, а она откуда-то сверху дирижирует этим сводным оркестром. И она так спокойна и так счастлива...

Смолкли последние аккорды. Мария Леонидовна невольно зажмурилась от вспыхнувшего яркого света.

– Какая прекрасная музыка. Уходить не хочется, – Сергей дотронулся до ее руки, – вам понравилось?

– Очень! Это просто волшебно, – ответила она, открывая глаза. – Спасибо вам.

– Спасибо вам, – улыбнулся Сергей, и они стали пробираться к выходу.

Шли не торопясь. Прекрасная музыка не отпускала. Она

летела за ними, заполняя собой улицы, дома, воздух, небо, их самих. Хотелось громко-громко крикнуть и полететь на упругих волнах этой волнующей парижской музыки. Внутри опять что-то словно защекотало. «Опять это ощущение», – подумала Мария Леонидовна. Но ей совсем не хотелось, чтобы оно проходило. Словно ожидание чего-то прекрасного и таинственного, нежного, доброго, теплого...

Они остановились. Внизу под гранитным парапетом тихо плескалась Сена, старинные замки на другом берегу были искусно подсвечены и, словно алмазные подвески, спускались на землю из самой глубины темного парижского неба, мимо медленно проплывали прогулочные катера с танцующими парами на освещенных палубах, где-то звучал аккордеон...

Сергей положил руки на плечи Марии Леонидовны и немножко развернул ее к себе. Несколько секунд они молча смотрели в глаза друг другу, не моргая, не шевелясь, не дыша. Они стояли здесь, на этой ночной парижской набережной, но их словно здесь не было. Они летели туда, в неведомую высь, и чувствовали, что волны чарующей музыки снова и снова подхватывают их и кружат, кружат над этим пьянящим городом.

О, Париж, Париж!

Город безумства и удали, величия и бесчестия, страсти и разочарования, город любви!

* * *

Показались знакомые очертания отеля. Только в нескольких окнах еще горел свет. Люди отдыхали после нелегкого туристического дня.

Мария Леонидовна и Сергей вошли в приглушенно освещенный холл, обменялись приветствием с понимающе улыбающейся девушкой за стойкой «Reseption» и направились к лестнице. Ее дверь. Они остановились. Мария Леонидовна опять почувствовала приближение накатывающейся волны томительно-тягучей завораживающей истомы.

– Вы поедете завтра со мной? – шепотом спросил Сергей.

– Да, – еле слышно ответила она.

– Встречаемся за завтраком. Спокойной ночи, – он нежно поцеловал ее руку и пошел вдоль длинного коридора.

– Спокойной ночи, – машинально ответила Мария Леонидовна и открыла дверь номера.

* * *

Утро было светлым и солнечным. «Завтра – домой», – подумала Мария Леонидовна, глядя на легкие белые облачка, медленно плывущие по синему небу. И ей вдруг так захотелось, чтобы быстрее наступило это «завтра», чтобы она

опять оказалась среди родных и безумно любимых людей. Несмотря на частые разъезды, она так и не научилась не скучать по ним. А может, этому и не надо учиться. Ведь они – часть ее жизни, а значит, без них ей никак нельзя.

«Ой», – память вдруг опять вернула ее во вчерашний вечер, – «А куда я сегодня еду? И сколько сейчас времени?»

Мария Леонидовна быстро привела себя в порядок и спустилась в ресторан. Сергей и его сестра уже заканчивали завтрак. Они приветливо кивнули ей. Мария Леонидовна поставила на поднос традиционный набор из кофе, теплого круасана и кукурузных хлопьев с молоком и села за свободный столик.

– Приятного аппетита, – услышала она голос Сергея. – Как настроение? У вас не изменились планы?

– Нет, – ответила Мария Леонидовна, размешивая ложечкой давно растаявший сахар. – Туристическая программа выполнена, сегодня – свободный день. Магазины меня не интересуют. Так что я готова. А куда мы едем?

– Вот и отлично! Сестре из-за ноги опять придется остаться дома. По дороге я все расскажу. Сколько вам нужно времени на сборы?

– Минут 15–20.

– Хорошо, через 20 минут я жду вас в холле.

Арендванный темно-синий «Пежо», мягко урча, катил по ровному шоссе. Мимо проносились ухоженные деревеньки, невысокие часовенки, ровно очерченные виноградники. Чувствовалось, что люди, живущие в этой относительно небольшой стране, ценят и любят каждый сантиметр своей земли.

Ехали молча. Сергей был задумчив, и Марии Леонидовне в какой-то момент показалось, что он вообще забыл о ней. «Ну, и ладно, в конце концов это он меня пригласил. Пусть это будет еще одной экскурсией», – нашла она мудрое решение и стала внимательно рассматривать пейзаж за окном.

– Мария Леонидовна, – голос Сергея прозвучал устало и глухо, словно он только что вернулся откуда-то издалека. – Я Вас очень прошу ни о чем меня не спрашивайте сейчас, я все расскажу сам. Извините меня.

И он снова замолчал, словно опять уплыл куда-то в глубины своих воспоминаний.

Наконец у щита с названием какого-то городка они свернули на небольшую дорогу и спустя 10 минут подъезжали к свежевыкрашенным домикам с аккуратными садиками вокруг них. Люди, попадавшие на пути, с любопытством смотрели им вслед. Было видно, что не так часто к ним навешиваются гости. В основном это были пожилые люди, та-

кие маленькие и чистенькие, что, казалось, от них должно пахнуть клубникой и молоком.

Мария Леонидовна и Сергей проехали через весь городок и оказались среди огромного виноградника. Дорога немного сузилась, но все равно была достаточно ровной. Темно-зеленое необъятное поле ровными рядами виноградных лоз подходило к подножию небольшого холма, покрытого соснами. А где-то там, высоко, сквозь высокие стройные деревья блестел на солнце купол часовни. Это было необыкновенно красиво, и Мария Леонидовна даже пожалела, что не взяла с собой фотоаппарат.

Почти на вершине холма сосны вдруг словно расступились, освобождая место для небольшого ровного плато, на котором покоилось тихое кладбище, обнесенное высоким забором, больше, наверное, для формы, чем из-за необходимости.

Сергей припарковал машину.

– Можно мне с Вами? – неуверенно спросила Мария Леонидовна.

– Я бы очень этого хотел, – тихо ответил Сергей. Он купил букетик ярко-синих цветов, похожих на васильки, в маленьком пластмассовом стаканчике с водой, и они пошли по ровной дорожке между надгробий почти одинакового размера и формы.

Сергей остановился у одной из могил. Он поставил стаканчик с цветами на плиту, а сам положил руку на памятник,

поглаживая пальцами холодный камень.

«Моника Ришар, 1946–1991», – прочитала Мария Леонидовна надпись на гранитной плите. С овальной фотографии на нее смотрела молодая женщина. Светлые волосы были разделены косым пробором так, что длинная прядь почти закрывала ей правую половину лица. Было такое ощущение, что во время съемки женщина чуть-чуть наклонила голову и улыбнулась. И теперь этот неуловимый момент навсегда застыл в тяжелом камне.

– Это – моя жена, – тихо сказал Сергей, – мы прожили почти два года. Авиакатастрофа. Она была старше меня. Это было наваждение, страсть, безумие. Только началась перестройка. Первые совместные предприятия, первые поездки за рубеж, первые деньги. И тут – она, специалист с французской стороны. Настоящая француженка до последней ниточки. Что она во мне нашла? До сих пор не могу понять. Мы могли часами сидеть и смотреть на звезды. И нам было хорошо от того, что блестит асфальт, что цветет виноград, что летит самолет или идет дождь. Нам было хорошо. Командировка кончалась. Куда мы только ни обращались, чтобы оформить наш брак. Везде получали отказ. Моника смеялась и говорила, что это совсем не обязательно, что она и так моя жена. Но для меня это было очень важно. Потом она прилетела в Москву. Опять заявления, письма, отказы. Но стоило нам оказаться вдвоем, мы словно погружались в другой мир, наш мир, такой чистый, спокойный и надежный. Я

больше сюда не смог выбраться, а она прилетала. Часто. Как только могла. Если бы не эта нелепая, ужасная, роковая случайность. Еще не успели взлететь. Почти над самым Парижем. Париж, Париж...

Марии Леонидовне очень захотелось подойти к Сергею, обнять его, успокоить, но серые глаза Моника словно предостерегали: «Не трогай, не смей, он – мой!» И Мария Леонидовна не в силах была послушаться.

Сергей немного перевел дыхание, провел рукой по фотографии и сказал:

– Я очень благодарен тебе, Моника. Ты научила меня любить и быть любимым, ты – мое прошлое, от которого я никогда не откажусь. Ты хотела, чтобы я был счастлив. Я счастлив, Моника. Я очень счастлив. Прощай.

Мария Леонидовна не сдерживала слез. Серые глаза с цветной керамики снова молчаливо наблюдали за ней. И ей показалось, что они смотрят уже не так тревожно.

«Благодарю тебя, Моника», – беззвучно прошептала Мария Леонидовна и пошла вслед за Сергеем.

* * *

Когда они въехали на стоянку перед отелем, уже смеркалось.

– Завтра – домой. Может быть проведем сегодняшний вечер вместе. И сестра будет рада. А-то сидит целый день од-

на-одинешенька, – спросил Сергей, выключая двигатель.

– Сейчас, только переоденусь с дороги, – ответила Мария Леонидовна. Они оформили все необходимые документы на машину и вошли в отель.

– Я очень вам благодарен, – Сергей немного задержался у лифта, – так мы ждем.

Мария Леонидовна приняла душ, переделалась в светлый брючный костюм спортивного покроя, положила в полиэтиленовый пакет баночку красной икры и бутылку сухого французского вина, что купила в погребах одного из замков Луары. Потом, словно что-то вспомнив, собрала со дна своей сумочки россыпь шоколадных конфет и тоже бросила их в пакет.

Подойдя к номеру Сергея, она тихонько постучала. Два голоса, мужской и женский, почти одновременно откликнулись:

– Войдите!

Мария Леонидовна приоткрыла дверь:

– Добрый вечер!

– Проходите, проходите, – защebetала сестра Сергея. – Меня Людмилой зовут. А вас – Мария Леонидовна, я уже знаю. Проходите, располагайтесь. Видите, в кои-то веки вытащила брата отдохнуть, да вот тебе, ногу вывихнула. Ну какой из меня попутчик? Вечно со мной что-нибудь приключается.

– Ладно, Мила, – ласково остановил сестру Сергей, – при-

глашай гостью к столу.

– Вот, – неуверенно сказала Мария Леонидовна и протянула пакет.

– Отлично, – Сергей тут же начал освобождать его от содержимого.

В небольшом номере обычного трехзвездного парижского отеля они пили прекрасное французское вино из пластмассовых стаканчиков, острыми краями нежного солоноватого крекера зачерпывали прямо из баночки сахалинскую красную икру и заедали все это маленькими кусочками банана и московскими шоколадными конфетами. Им казалось, что они давно – давно знают друг друга, но по какой-то удивительно нелепой случайности не виделись много лет. И вот теперь встретились и не могут наговориться. Они наперебой рассказывали друг другу о своей работе, друзьях, родных и знакомых, о забавных случаях из их жизни. И жизнь каждого из них удивительным образом вплеталась в их собственную, но это никого не тяготило. А наоборот. Появлялось новое ощущение родства и близости, что было необычайно приятно.

– Ой, ребята, – воскликнула вдруг Людмила, посмотрев на часы, – половина второго. Завтра подъем в шесть утра. Все, вы как хотите, а я пошла.

Сергей проводил ее до соседнего номера и вернулся. Мария Леонидовна продолжала сидеть в своем кресле. Ноги и руки отказывались слушать ее. Она хотела встать, пойти к

себе, но не могла даже пошевелиться.

«Боже, что он обо мне подумает?»

– Успокойтесь, Машенька, – Сергей немного наклонился над креслом, – осталось всего четыре часа. Так может быть, и не ложиться вовсе, в самолете отдохнем.

И снова внутри что-то защемило, заволновало, снова накатила эта тягучая волна ожидания чего-то неизведанного и такого прекрасного. «Какой все-таки славный город, этот Париж», – внезапно промелькнула невесть откуда появившаяся мысль и тут же растворилась в сладостном благоговейном дурмане...

* * *

Аэропорт встретил их размеренным гулом суетящихся пассажиров. Служащие привычными движениями выполняли свою повседневную работу. Обычная предполетная суета.

Мария Леонидовна сдала свой чемодан в багаж и теперь прогуливалась среди разнообразия беспошлинных товаров даже не с целью что-то купить, а просто чтобы потратить оставшиеся франки. «Так что же произошло?» – размышляла она, вертя в руках очередную безделушку. – «Что со мной произошло?» Что же с ней произошло? Неужели и она не смогла удержаться от того, чтобы не попасть в ловко расставленные сети этого безумного города? Чувства, которые она так усиленно старалась погасить в себе все эти годы, вдруг

одним разом всколыхнулись где-то в самой глубине ее души и выплеснулись ярким мощным живым фонтаном безудержного безмерного счастья. Она едва не застонала от вновь нахлынувших воспоминаний. «А все-таки я, наверное, счастливая», – подумала Мария Леонидовна и направилась к кассе.

«Боинг», яростно урча всеми четырьмя моторами, равномерно набирал скорость, чтобы через несколько мгновений оторваться от взлетной полосы. Сергею удалось уговорить рядом сидящего пассажира поменяться местами с Марией Леонидовной, и теперь они сидели вместе, все втроем, пристегнутые ремнями безопасности и смотрели, как за окошком иллюминатора белые включенные облака уплывали вниз, устилая собой дно безграничного небесного океана. Самолет лег на курс.

– Ну, все, теперь я буду спать, – сказала Людмила, прикрывая зевком рукой и удобнее устраиваясь в кресле. – Самолет для меня – лучшее снотворное.

– Проспит до самой посадки, уже проверено, – уверенно подтвердил Сергей.

Полет проходил спокойно. Стюардессы бесшумно сновали по салону, командир корабля изредка делал пояснительные объявления по радио, на экране дисплея демонстрировался какой-то бесконечный фильм, пассажиры, кто как мог, коротали время.

Мария Леонидовна и Сергей время от времени обменива-

лись дежурными короткими фразами, даже не пытаясь поддерживать разговор. О вчерашнем не было сказано ни слова. Мария Леонидовна сама не знала, хочется ли ей говорить об этом. Еще один эпизод из жизни. Страстный, волнующий, сладостный, но всего лишь эпизод, который имеет свое начало и конец.

«А может быть, это просто логическое завершение пребывания в Париже?», – подумалось ей. – «Ведь не случайно же говорят, что Париж – город любви». Но что-то все-таки мешало ей утвердительно ответить на этот вопрос. «Ладно, не стоит углубляться, время покажет», – философски решила она, и в этот момент моторы со страшной силой заревели во все свои четыре глотки, и самолет затрясло так, что, казалось, он сейчас просто рассыплется. Марию Леонидовну буквально вдавило в кресло, и она просто не в состоянии была даже повернуть голову. Среди пассажиров началась легкая паника.

– Уважаемые пассажиры, – голос командира корабля звучал спокойно и ровно, – наш самолет попал в зону турбулентных потоков. Просим, во избежание травм, оставаться на своих местах и пристегнуть ремни безопасности.

Раздались короткие сигналы сирены и зажглось табло: «Не курить. Пристегнуть ремни». Пассажиры разом все замолчали и, как завороченные, уставились на это немигающее табло, словно боялись пропустить момент, когда оно погаснет.

Самолет не переставало трясти. Сергей сидел бледный, плотно сомкнув губы и закрыв глаза. Одной рукой он инстинктивно прикрывал спящую сестру, а другой все сильнее сжимал руку Марии Леонидовны, словно старался не дать ей войти в резонанс с этой сумасшедшей тряской. Марии Леонидовне казалось, что она отчетливо слышит хруст собственных пальцев, но ей так было спокойнее и легче. В эти минуты она словно слилась с ним в единый организм, который жил своей обособленной жизнью. Она чувствовала его учащенный пульс, его прерывистое дыхание, его мысли словно проносились через нее и становились уже ее мыслями.

«Париж, Париж, не отнимай у меня то, что ты так великодушно мне подарил», – снова и снова прокручивалась в голове одна и та же фраза.

Тряска прекратилась так же внезапно, как и началась.

– Уважаемые пассажиры! Турбулентная зона закончилась. Благодарим вас за спокойствие и выдержку. Желаем вам счастливого пути! – снова проговорило радио. Табло погасло. Пассажиры зашевелились в своих креслах, забрякали замки привязных ремней.

Он по-прежнему не отпускал уже совсем онемевшей ее руки. Она и не пыталась освободиться.

На соседнем кресле мирно спала Людмила.

Осень, 2002

Чужого не возьму, своего не отдам

Их было у отца с матерью четверо. В этой семье каждый жил своей жизнью. Отец разрывался между тремя работами без выходных и праздников. Мать приходила вечером домой, согнувшись под тяжестью неподъемных сумок, и тут же начинала варить, стирать и мыть, практически делая все это одновременно. На детей у них просто физически не хватало ни сил, ни времени.

Кира много раз задавала себе вопрос, зачем рожать детей, если не можешь ни им, ни себе обеспечить достойной жизни, и еще в десятом классе твердо решила, что ее ребенок будет жить по-другому. Во-первых, он будет у нее один. Во-вторых, он никогда не будет ни в чем нуждаться. И, в-третьих, она постоянно будет рядом с ним, чтобы всегда и во всем ему помочь. Мужчина, от которого должен будет родиться ребенок, в ее планы тогда не входил вовсе.

Постепенно мечта обрела вполне определенные очертания, и Кира начала воплощать ее в жизнь.

Она успешно окончила школу и институт. На работе ее считали толковым специалистом и неплохо платили. И вот, наконец, настал тот момент, когда она поняла, что готова к рождению ребенка.

...Кира сидела, склонившись над детской кроваткой. Малыш крепко спал, широко раскинув сжатые кулачки и ти-

хонько причмокивая. Ее Алешенька, ее мальчик. Этот маленький человечек для нее теперь – самое главное в жизни. Теперь ее жизнь уже не принадлежит ей самой, теперь каждый удар своего сердца она должна соразмерять с необходимостью сделать что-нибудь для него, чего бы ей это ни стоило. Кира полностью подчинила свою жизнь сыну. До трех лет она сидела с ним дома, по ночам делая расчеты и переводы, чтобы днем водить его на массаж и в бассейн. К шести годам мальчик свободно писал и читал, затем специальная математическая школа с факультативным изучением иностранного языка. Музыкальная школа, балльные танцы, постоянные походы в театры, музеи и на концерты дополняли обязательную программу обучения и всестороннего развития ребенка.

Алеша очень любил свою мать, никогда ей не грубил, делал все, что она ему говорила. У него никогда даже не возникало мысли, что мама может быть не права. Почти все свободное время они проводили вместе. Друзей у Алеши было немного, в основном одноклассники, мальчики, увлекающиеся Интернетом и компьютерами.

* * *

Это случилось неожиданно, впрочем, как и все, что происходит с нами впервые. Алеша вырос. Сначала она заметила легкий пушок на подбородке, потом начал давать сбои голос, временами переходя на тонкий фальцет. Но это все полбеды,

к этому она в общем-то была готова. А вот к чему она не была готова совсем, так это к тому, что ее Алеша вдруг перестал в ней нуждаться. Нет, она, конечно, по-прежнему готовила, стирала его вещи, убирала в его комнате, но вот разговаривать они стали меньше и гуляли вместе все реже и реже. Все чаще на ее вопросы он отвечал одним словом «нормально», от которого у нее внутри все переворачивалось. Он не обижал мать грубостью. Он просто перестал пускать ее в свой мир, в свою жизнь.

«Что происходит?» – думала Кира. Эта мысль навязчиво терзала ее днем и ночью. «Что с ним? Ведь я хочу ему только добра и только я знаю, что ему нужно, ведь он – мой сын». Ее сын, ее мальчик. Сколько раз она представляла себе его выросшим, веселым и счастливым. И она знала, как этого достичь. Почему же он так сопротивляется? Переходный возраст, может быть, просто переждать? И все опять будет хорошо?

Но лучше не становилось. Лето перед одиннадцатым классом они провели в городе. Кира даже не стала брать отпуск, поскольку Алеша в категоричной форме отказался куда-либо с ней поехать. У него появились новые друзья, с которыми он проводил целые дни. Это были ребята, обычные подростки, которые небольшими группками слоняются по улицам.

– Что ты в них нашел? О чем можно с ними разговаривать? Тебе интересно? – удивлялась Кира.

– Они – мои друзья, – лаконично отвечал Алеша, и на этом

обычно разговор заканчивался.

Денег он у нее никогда не просил. Кира сама каждый день давала ему немного, чтобы он мог где-то перекусить. «Целый день на сухомятке», – жалела она сына. Домашний обед обычно оставался на ужин.

В сентябре начались занятия в школе. Алеша был любимцем преподавателей и основным претендентом на золотую медаль. «Вот окончит школу, перерастет, и все наладится», – успокаивала себя Кира.

Алеша учился по-прежнему хорошо, но новых друзей не оставил. Каждый вечер, приходя с работы, она находила на столе записку сына: «Гуляю. Приду в 11.00». И, как по расписанию, ровно в 11.00 он был дома. Кира разогревала ему ужин, он молча ел, говорил «спасибо» и уходил в свою комнату, закрывая за собой дверь. А Кира мыла тарелки и все думала, думала, что же еще она должна сделать, чтобы наладить отношения с сыном?

* * *

Это было за неделю до Нового года. Алеша, как обычно, пришел в одиннадцать, вымыл руки и сел за стол, ожидая ужин.

– Мамуль, а что ты будешь делать на Новый год? – неожиданно спросил он.

– Как, что делать? – Кира удивленно повернулась к нему. –

Мы будем дома, конечно. А хочешь, можем пойти куда-нибудь, ты уже большой.

– Вот и я о том же, – ответил Алеша, – я к ребятам пойду.

– К каким ребятам? Ночью? Один в двенадцать часов?

– Мам, а в одиннадцать приходиться можно?

Кира растерялась.

– А кто там будет из взрослых?

– Мам, мне скоро семнадцать. Я каждый день там бываю.

Что случится за одну ночь?

– Но ведь Новый год, наверняка выпьете шампанского, – пыталась найти новые аргументы Кира.

– Мамуль, – усмехнулся Алеша, – мы уже давно не пьем шампанское.

– А что же вы пьете? – Кира присела, зажав в руке скотканное полотенце.

– Ну, ты что, маленькая что ли?

– И ты тоже? – она пыталась заглянуть в его глаза, надеясь увидеть в них отрицательный ответ на свой вопрос.

– Пробовал. Мне не понравилось.

– Не понравилось, – механически повторила Кира, – а что понравилось?

– Пивка немножко можно.

– Немножко, это сколько? – не унималась Кира, словно в данный момент вопрос количества был главным.

– Ну, бутылочку или две. Ладно, мам, спасибо, я пойду.

Дверь его комнаты привычно захлопнулась.

Кира подошла к окну. Она ничего не понимала. Когда же это началось? И как она не заметила? Или не хотела замечать? Не могла даже предположить, что такое может произойти с ее сыном. Нет, неправда. Она об этом просто не думала. Даже мысли не приходило, что ее сын может оказаться в такой компании. И вот, как снег на голову. «Какой крупный снег», – вдруг подумала Кира, глядя, как огромные узорчатые снежинки кружатся в свете окна. Ей вдруг захотелось подставить руку под этот мерцающий снегопад, ощутить приятный холодок на дрожащих пальцах, и чтобы все было, как раньше. Ведь она его так любит, и кроме него у нее никого нет. Совершенно никого.

– Алеша, – Кира постучала в закрытую дверь. – Можно?

– Конечно, мама, – отозвался тот.

– А, может быть, тебе никуда не ходить? Пригласи ребят к нам. – Ей казалось, что она нашла достойный выход из положения.

– А ты?

– Я?.. Я пойду к тете Вале, они давно меня приглашали, – сказала Кира и быстро вышла из комнаты.

– Спасибо, мамуль, – услышала она голос сына.

«Зато хоть будет дома», – успокаивала она себя, возвращаясь на кухню.

После Нового года дела пошли еще хуже. Алеша начал пропускать занятия. Учителя замучили ее телефонными звонками и упреками, что она не может повлиять на сы-

на. А что она могла? Разве она его этому учила? Кира ощущала полную свою беспомощность. И разве можно было ее упрекнуть в том, что она не знает, как нужно строить жизнь. И разве не она сама построила свою? Кто ей в этом помогал? Никто. Свою жизнь она спроектировала, слепила, сделала сама. И никто не может ее ни в чем упрекнуть. И она знает, как построить жизнь своему сыну. Знает, но ничего не может сделать. Ничего...

Наступила весна. Кира очень любила это время года. Но сейчас ей было не до откровений природы. Алеша стал часто оставаться у друзей на ночь. Он не давал ей адреса и телефона, но всегда предупреждал ее об этом, звонил вечером и утром, говорил, что у него все в порядке. Но слово «порядок», к сожалению, они понимали по-разному.

Ее жизнь превратилась в сплошное ожидание чего-то неожиданного и страшного, она покорно подчинилась этому непроходящему страху за сына, который словно сжирал ее изнутри, постепенно подтачивая ум, сердце, нервы. За несколько месяцев она потеряла то, что с таким упорством и любовью создавала всю жизнь. Она оставалась одна.

* * *

Был прохладный апрельский вечер. Кира возвращалась с работы, привычно перебирая в уме места, где сейчас мог быть ее Алеша. Снег почти везде уже стаял. Кира присела на

скамейку и взяла в руку веточку небольшого кустика, росшего рядом, поглаживая пальцами набухшую глянцевую почку. «Гладенькая такая. Скоро листочек появится. Маленький. Да, жизнь продолжается...»

– Это вы мне? – голос рядом заставил ее отвлечься от своих мыслей.

– Ой, извините, задумалась, – смутилась Кира.

– Да ну что вы, с кем не бывает. А действительно, как чудесно вокруг!

На скамейке рядом с ней сидела женщина лет шестидесяти пяти, ничем особенно не выделявшаяся. Но что-то в ней все-таки было необычное... Кира немного развернулась и посмотрела на собеседницу. Ну да, конечно. Глаза. Глаза были необычные. Темно-темно коричневые, почти черные и очень живые. Словно два уголька, светившиеся ярким светом откуда-то изнутри. Кире даже показалось, что глаза этой женщины живут отдельно от соответствующих ее возрасту морщинок вокруг них. Молодые, жизнеутверждающие огоньки. Вот именно, жизнеутверждающие! Женщина смотрела на нее улыбаясь, и Кире вдруг захотелось рассказать ей все. Она почему-то была уверена, что эти глаза должны ее понять и помочь ей разобраться прежде всего в ней самой. И она начала рассказывать. Все подряд. Она даже не поинтересовалась, есть ли время у этой незнакомой женщины, но Кира смотрела в эти глаза, и ей казалось, что она разговаривает только с ними. И они ее понимают. А для нее сейчас,

наверное, это было самым главным.

– И теперь я просто не знаю, что делать, – закончила она свой рассказ, пытливо заглядывая в эти необыкновенные глаза.

Женщина немного помолчала, словно что-то вспоминая, и потом тихо сказала:

– Моя бабушка много лет назад, когда я была еще совсем юной, сказала мне такую фразу: «Чужого не возьму, своего не отдам». Я тогда пыталась с ней спорить, что-то доказывать. Поняла я потом, много лет спустя, и поверьте, мне стало намного легче жить. И не только мне, но и тем, кто был рядом со мной.

– Я тоже не понимаю, – удивилась Кира. – «Чужого не возьму» – это ясно, но я готова отдать ему все, даже свою жизнь.

– А вы уверены, что ему нужна *ваша* жизнь? Ведь у него есть *своя*, и, сколько бы вы ни старались, только ему решать, какой она будет.

– Но ведь я хочу ему помочь! – не унималась Кира.

– Помогать надо тем, кто просит этой помощи, а иначе – бесполезно.

«Что она говорит?» – думала Кира. «О чем должен попросить ее Алешка? Чтобы она не пускала его к друзьям, или не давала пива? Чушь какая-то. Какой-то пустой разговор», – и она снова взглянула на женщину. Какие удивительные все-таки глаза. Нет, она не могла им не верить. Этот искрящийся

свет проникал внутрь ее, подпитывая и прибавляя сил.

– Извините меня, – женщина встала. – Мне пора.

– Ой, это вы меня, пожалуйста, извините, – вдруг спохватилась Кира. – Простите, ради Бога.

– Ну, что вы, что вы, не извиняйтесь, пожалуйста. Мне было очень приятно провести с вами время. Буду очень рада, если хоть чем-то смогла вам помочь. Всего доброго. Удачи вам и будьте здоровы, – и она пошла ровной уверенной походкой к автобусной остановке.

«Как неудобно получилось», – подумала Кира. «Совершенно незнакомая женщина, а я – со своими проблемами. Но какие же все-таки необыкновенные глаза», – и она неторопливо поднялась со скамейки.

Вечер она провела в привычном одиночестве. Из головы не выходила фраза, сказанная незнакомой женщиной. Кира прокручивала ее в голове уже сотый раз и никак не могла понять, как же все-таки она должна себя вести с сыном. Как-то по-другому, но как? И ничего не могла придумать.

Позвонил Алеша. «Слава Богу, живой, здоровый», – с облегчением подумала Кира и начала разбирать постель.

* * *

Телефонный звонок прозвенел резко и вызывающе громко. Кира рывком схватила трубку, которую всегда клала рядом с подушкой.

– Тетя Кира, – она узнала Вовку из соседнего дома, – вы только не волнуйтесь.

Классический прием, когда хотят сообщить что-то ужасное. У Киры перехватило дыхание. В середине живота образовалась противная холодная пустота.

– Вы только не волнуйтесь, тетя Кира, – продолжал Вовка. – У нас тут небольшая потасовка случилась, милиция разняла, «скорая», сейчас все нормально, тихо. Вы только не волнуйтесь...

Сковывающий холод медленно расползлся внутри и достиг уже самых кончиков пальцев на ногах.

– В какой он больнице? – язык отказывался подчиняться клокочущим в голове мыслям.

– На «Горку» его повезли, тетя Кира, туда всех на «скорой» привозят, вы только...

Она выключила телефон, не дослушав, что еще ей может сообщить напуганный Вовка. «На «Горку», на «Горку», вертелось в голове, пока она впопыхах натягивала одежду. Кира выбежала на улицу. До больницы было полчаса ходьбы. Она даже не стала ловить машину. Ей нельзя было тратить ни одной секунды. Она знала, чувствовала, что от этого зависит жизнь ее сына. Кира бежала по темным улицам, задыхаясь от волнения. «Горка», «Горка», – как заклинание повторяла она в такт своим шагам. «Только будь живой, ради Бога, только живой!» – это была ее просьба, ее молитва.

Корпуса городской больницы были разбросаны по разным

районам города. Один из них располагался на невысокой возвышенности, поэтому получил «местное» название «Горка». Кира на полном ходу вбежала в приемный покой.

– Тут сына моего привезли! – набросилась она на молоденькую сестричку, испуганно смотревшую на нее, – что с ним? Он живой?

– Как фамилия? – сестричка раскрыла регистрационный журнал.

– Алеша, – машинально ответила Кира.

– Вы мне фамилию скажите, – настаивала девушка.

– Извините, Рождественский Алеша. Семнадцать лет. Почти.

Девушка провела пальчиком по строчкам.

– Он сейчас в операционной. Черепно-мозговая травма, перелом челюсти, открытый перелом ноги... – она подняла глаза на Киру. – Вам плохо? Может укольчик?

«Слава Богу, жив! Жив!» – Кира закрыла глаза. Тело ее как-то сразу обмякло, голову заволокло тяжелым серым туманом, в висках стучало: «Жив, жив, жив...»

Она очнулась от резкого запаха нашатырного спирта.

– Ну, вы меня и напугали, – медсестра выбросила использованную ватку в специальную ванночку, – врачи-то все в операционной, а вы тут падаете. Еле успела подхватить. Я же вам говорю, теперь уже все в порядке. Жить будет. Врачи у нас классные! Не волнуйтесь. Завтра сами увидите.

– Спасибо, – еле слышно прошептала Кира. – Можно я

еще немного посижу, сил нет идти.

– Посидите, – добродушно ответила девушка. – Может, какая из наших машин в вашу сторону поедет, подбросит.

– Спасибо большое, – еще раз поблагодарила Кира и снова закрыла глаза.

* * *

Киру пустили в палату к сыну только на третий день. Травма оказалась достаточно серьезной, и он почти все это время был без сознания. Кира подошла к высокой неуклюжей кровати. Голова Алехи была вся забинтована, оставались только прорези для глаз. Одна нога в гипсе была приподнята на специальных подвесках, с обеих сторон стояли капельницы. «Рождественский Алексей Вениаминович», – прочитала Кира на перевернутой горлышком вниз поллитровой бутылки с лекарством. «Алексей Вениаминович», – повторила она про себя. – «Как взрослый». Да, вырос ее сын, ее Алешка. Он действительно уже взрослый, и ей придется с этим смириться. И, видимо, придется смириться и с тем, что в своей новой взрослой жизни он еще не раз будет пробивать лбом стену и прокладывать себе путь по тем дорогам, по которым она уже прошла в свое время. И все равно он будет идти по ним *сам*, веря только себе и своему опыту.

Кира с болью посмотрела на закрытые глаза сына, поцеловала синие опухшие пальцы туго забинтованной руки и вы-

шла из палаты.

* * *

Май был в самом разгаре. Деревья щеголяли друг перед другом всеми оттенками свежей зелени. Распускалась сирень. В открытое окно больничной палаты свежий ветерок доносил задиристые трели развеселившихся птиц.

На скамейке перед окном сидела женщина и читала книжку.

– Мама! – откуда-то сбоку послышался детский крик.

Женщина повернула голову. По дорожке, держа за ручку мальчика лет пяти, шел молодой мужчина. В свободной руке у мальчика был небольшой букетик из одуванчиков. Женщина поднялась навстречу ребенку, и тот побежал к ней, рассыпая вокруг белые невесомые парашютики.

Кира почему-то вспомнила тот предновогодний снегопад, хлопьями падающий в темную декабрьскую бездну...

– Мамуль, о чем ты подумала? – услышала она за спиной голос Алеши.

– О нас, – ответила Кира, поворачиваясь к сыну.

– Не беспокойся за меня, – сказал Алеша, осторожно приподнимаясь на подушке, – я справлюсь. Обещаю тебе.

– Мальчик мой, – Кира взяла его за руку. – Будь счастлив!

– Обязательно, мамуль, – ответил, улыбаясь, Алеша. – А ты мне поможешь?

Декабрь, 2002

Живем!

Папе посвящается

Зеркальный зал одного из самых престижных московских ресторанов зашелся в неугасимом веселом фрейлахсе. Хрустальные люстры под потолком сотрясались от этого огненного танца, сбрасывая с себя разноцветные искры, которые сыпались во все стороны и терялись в складках темно-синего бархата оконных портьер. Музыканты отчаянно трясли головами, и, если бы не инструменты, сами с удовольствием пустились бы в пляс. Привыкшие ко всему вышколенные официанты, ловкими профессиональными движениями меняя на столе закуски и приборы, не могли отказать себе в удовольствии посмотреть на этот вырвавшийся наружу вулкан безудержного веселья. Все гости от мала до велика, образовав большой круг и взявши друг друга за руки, подчиняясь все ускоряющемуся темпу, делали какое-то совершенно безумное количество движений в секунду, умудряясь при этом громко хохотать. Казалось, еще несколько мгновений, и вся эта скачущая толпа свалится в одну большую кучу.

Внезапно музыка прекратилась, и гости кинулись к столу, жадно осушая бокалы с водой, соками и всем, что могло утолить жажду.

– Ну и молоток же ты, Аркашка, – плотный раскраснев-

шийся мужчина со сбившимся набок галстуком колобком подкатился к юбиляру. – Ты, как всегда придумаешь чего-нибудь эдакого! Сколько лет тебя знаю – нисколько не изменился! Молоток! Мы вот все ноем, ноем, что давно не встречались, а ты – раз, и пожалуйста. Вот, все мы здесь, как миленькие. Эй, Гога, Алик, – крикнул он в сторону стоявших неподалеку представительных мужчин, – идите сюда, арбатские шалопаи!

Мужчины, нисколько не смутившись данным им определением, заспешили навстречу друзьям, продолжая о чем-то увлеченно спорить.

– Аркашик, Ленчик, вот скажите, – начал высокий худощавый Гога, – помните, когда мы через всю улицу в окно Семке Когановичу кричали, нас в милицию поволокли, правда ведь, это было у Канадского посольства?

– Конечно, у посольства, – оживился Ленчик, поправляя галстук, – а что?

– Да вот, этот пижон, – продолжал Гога, показывая на Алика, – говорит, что у «Кремлевки». Я что из ума выживаю, что ли?

– Ладно, ладно, не кипятись, я и сам знаю, что у «Канадского», – широко улыбнулся Алик, поигрывая густыми черными бровями, – должен же я проверить твою память, Гогик. А вдруг на нее твои кругосветки оказали непоправимое влияние?

– Светки на него оказали влияние, а не кругосветки, –

прогромыхал Ленчик, и друзья закатились громким смехом, обнимаясь и шутливо колотя друг друга.

– Эх, щас спою! – воскликнул Гога, кидаясь к лежащей на сцене гитаре.

Аркадий вопросительно посмотрел на музыкантов, отдыхающих за отдельно стоящим столиком и, получив немое разрешение руководителя ансамбля, тоже подошел к друзьям. А они уже расположились в привычном порядке: Гога настраивал гитару, Алик перебирал клавиши органа, а Ленчик еле выглядывал из-за больших барабанов ударной установки.

Они играли громко, задорно, молодо, словно снова были там, в этом большом доме на одной из арбатских улочек, когда они еще могли позволить себе делать глупости, но уже не могли позволить делать подлости, когда поднимали на смех любого, кто обращал внимание на девушку, а потом всей гурьбой гуляли на свадьбе. Да много ли чего было! Главное, что теперь, на шестидесятилетнем юбилее их Аркашки они еще не потеряли способности и желания подурачиться.

– А теперь, Аркашик, твой выход, – Алик грациозно провел рукой по воздуху.

Аркадий, все это время стоявший рядом и без устали хлопавший в ладоши в такт музыке, легко подбежал к микрофону:

«В бананово – лимонном Сингапуре, – пуре, – пуре...»

Гости притихли. Никто, кроме самых близких родных,

никогда не слышал, как он поет. С одной стороны, совершенно явное подражание известному артисту, а с другой – настолько самозабвенно...

– Здорово! Браво! – раздались громкие аплодисменты, когда песня закончилась.

– Ну, ладно уж вам, – вдруг засмутился Аркадий, – прошу всех за стол. Прошу, – и он махнул друзьям, приглашая их вместе со всеми продолжить праздничный ужин.

– Разрешите мне сказать несколько слов! – мужчина в строгом темном костюме постучал вилкой по хрустальному бокалу.

– Дорогой Аркадий Львович! От имени коллектива нашего предприятия и от себя лично разреши поздравить тебя с шестидесятилетием! Мы не один год проработали с тобой, и я ценю тебя, как отличного специалиста. И юбилей, который мы сегодня отмечаем, предполагает покой только по нашему законодательству, а на самом деле это – расцвет творчества на основе знаний и опыта прожитых лет. Вот так-то! И мы с тобой, Аркадий, это знаем и чувствуем. Долгих лет тебе, будь здоров!

– Спасибо, Максим Петрович, – поблагодарил Аркадий, поднимая рюмку, – сам не пойму, вроде бы годы, а сил словно прибавилось. Столько хочется сделать!

– И сделаем! – Максим Петрович уже осушил свою рюмку и похрустывал маленьким маринованным огурчиком.

– Живем, ребята! – Аркадий широко развел руки, словно

хотел обнять всех присутствующих.

– По-здрав-ля-ем! – хором ответили гости, и веселье продолжилось.

* * *

Рабочая неделя началась, как обычно, с оперативки. Все шло по выработанному долгими годами расписанию. Краткие доклады руководителей подразделений, анализ текущих дел, корректировка плана на ближайшие дни.

– Благодарю вас, все свободны, – Максим Петрович убрал бумаги в папку.

Аркадий вернулся в свой кабинет и на большом настольном календаре стал торопливо что-то добавлять и к без того длинному перечню неотложных дел на сегодня.

Зазвенел телефон прямой внутренней связи. Аркадий, не отрываясь от календаря, поднес трубку к уху.

– Да, Максим Петрович, слушаю тебя.

– Зайди, пожалуйста, – и в трубке раздались короткие гудки.

«Что-то забыл, что ли? Времени совсем нет», – посетовал про себя Аркадий и встал из-за стола.

– Заходи, Аркадий Львович, садись, – Максим Петрович протирает очки.

Аркадий подошёл к директорскому столу и присел на стул. Тот продолжал с увлечением тереть прозрачные стекла.

– До дыр протрешь, что случилось-то? Некогда ведь, сам знаешь, понедельник, – улыбаясь заговорил первым Аркадий.

– Аркадий, – Максим Петрович наконец водрузил очки на переносицу, – не решился сказать тебе при всех, да и сейчас трудно, но выхода нет. Поверь, я боролся, как мог. Мне предложили вместе с тобой, но тогда заводу совсем конец, ты должен понять. Всю жизнь на него положили. Прости меня, так сложилось. Но я обязательно что-нибудь придумаю, обещаю тебе. Нужно время. И ты мне нужен здесь, рядом. Обязательно придумаю, поверь мне.

– Что, прямо вот так, сейчас? – как-то по-детски заморгал глазами Аркадий. – А как же песок? Ведь с карьером уже догово...

– Какой песок? – прогремел Максим Петрович, – это годы наши, как песок сквозь пальцы... Ты вообще понимаешь, о чем я говорю? – и он громко стукнул кулаком по столу.

– Понимаю, – Аркадий уверенно поднял глаза, – очень хорошо понимаю. И не виню тебя. Каждый поступает, как считает нужным. Я бы тебя обманул, если бы сказал, что не думал об этом. Я же знаю общую стратегию министерства и позицию товарища «Са-ахова», в частности...

– Вот дурак-то, он еще шутит, – перебил его Максим Петрович.

– Дай напоследок высказаться, дальше пенсии не уволят, – парировал Аркадий.

– Ладно, не горячись, я вот что пока придумал. Давай-ка ты съезди отдохни, возьми отпуск, путевку мы тебе организуем...

– Со скидкой, как ветерану труда?

– Не ерничай, мне не намного легче, чем тебе.

– Прости, – Аркадий откинулся на спинку стула. – Просто не думал, что это произойдет так быстро. Хотя, тридцать девять лет на одном месте – не такой уж и маленький срок. Жаль, через год еще один юбилей бы справили. Кстати, как тебе ресторан? Класс?

– Ну ты размахнулся, конечно. Небось все сбережения угрохал. Жена-то как на твои авантюры смотрит?

– Аська на них не смотрит. Она с ними живет в дружбе и согласии, – самодовольно усмехнулся Аркадий.

– Аркадий, прошу тебя, не делай глупостей, – вернулся к прерванному разговору Максим Петрович. – Пока ты будешь в санатории, я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ладно, Петрович, вы ведь давно уже все придумали. Когда отъезд?

– В 9.00 за тобой придет машина. Я сам скажу водителю.

– Может, и вправду, хоть раз в жизни по-человечески отдохну, – вздохнул Аркадий и направился к двери. Вдруг он резко остановился:

– А когда я дела передам?

– Потом, успеешь. Олег Александрович замещает же тебя, когда ты в командировки уезжаешь.

«Значит, все-таки, Олег», – подумал Аркадий Львович и вышел из кабинета.

* * *

Трехэтажное здание заводоуправления давно уже опустело. Аркадий Львович сидел в своем рабочем кабинете и думал. Пожалуй, он никогда так долго не думал над одной проблемой. Обычно решения приходили как-то сами собой, и он сразу принимал их к исполнению. Нельзя сказать, что эти решения всегда были правильными, но можно было корректировать по ходу, в процессе, так сказать. А сейчас хода не было. Был тупик, глухой и неотвратимый.

Аркадий Львович обвел взглядом свой кабинет. «Сколько же я здесь сижу? Лет двадцать восемь, наверное», – он стал мысленно подсчитывать, крутя пальцами остро отточенный красный карандаш. Эта была привычка еще с института – делать пометки в тексте карандашами разного цвета. Сейчас, конечно, появилось множество всевозможных маркеров, он ими тоже пользовался, но на его столе в специальном малахитовом стаканчике всегда был набор цветных карандашей, обязательно аккуратно отточенных. За этим постоянно следила Антонина Сергеевна, все эти годы проработавшая у него секретарем. Она не любила модного слова «референт», но без ее помощи Аркадию Львовичу было бы просто невозможно вовремя справляться с таким объемом работы. «Что

же теперь с Антониной будет? Куда ее-то?» – мысли снова вернулись к злободневной теме.

Сегодня с ним что-то произошло. Он это явно почувствовал. Что-то хрустнуло где-то глубоко-глубоко внутри. Не в теле, не в голове или сердце, а намного глубже. Он почувствовал этот мгновенный молниеносный хруст где-то в самой его сущности. Его сознание отказывалось понимать, почему надо уходить на пенсию «по возрасту»? Не по болезни, не по желанию, а потому, что тебе шестьдесят. Пятьдесят девять – еще – нет, а шестьдесят – все. Конец. Но ведь он еще *живой*. Живой! И он *хочет и может жить!* И у него-то никто и не спрашивал, устал он или нет. Как будто он тут ни при чем. Если было нужно место, так зачем ждали? Тактичные ребята, ничего не скажешь!

Пожалуй, впервые за всю свою жизнь Аркадий Львович не знал, что ему делать. «Поздно уже, Аська, наверное, волнуется», – подумал он, и в это время зазвонил телефон.

– Аркаша, ты скоро? – задала жена привычный вопрос.

– Скоро, не волнуйся, – ответил Аркадий Львович и быстро положил трубку. Сейчас ему ни о чем не хотелось говорить. Потом. Все потом.

Да, вот так неожиданно поворачивается судьба, и никто, никто не может наверняка знать, что с ним произойдет в следующую минуту. Только нужно уметь достойно это принимать, даже если все происходящее кажется непонятным.

«Эх, ты, философ! Делать-то что будешь?», – спросил сам

себя Аркадий и взял из стопки на краю стола несколько листов чистой бумаги.

Он составил опись всех папок с документами, стоящих на специальных стеллажах вдоль стены. На отдельном листе написал из календаря список запланированных дел на предстоящую неделю.

Потом он подумал и взял еще один лист.

«Директору завода г-ну Муратову М.П.
от зам. директора
Невяжского А.Л.

Заявление

Прошу уволить...»,

– рука на мгновение замерла в воздухе. «Нет, не так», – он бросил в корзину разорванный на мелкие части листок и взял новый. «Прошу предоставить мне очередной отпуск...» «Да, вот так будет правильно, – мысленно подбодрил он себя, – надо все хорошенько обдумать». Аркадий обвел взглядом кабинет. По сути дела, большая часть его сознательной жизни прошла в этих стенах. Было все: и радости, и неудачи, и споры до хрипоты, и выяснение отношений. Не было, пожалуй, только уныния и отчаяния. «И сейчас не будет! Мы еще проживем!» – Аркадий решительно поднялся с кресла. Сбор личных вещей занял пятнадцать минут. Он положил заявление на середину пустого стола и набрал домашний но-

мер:

– Асенька, я уже иду, – и, выключив свет, закрыл за собой дверь.

* * *

Аркадий проснулся, как обычно, в семь часов. С кухни уже доносился запах свежемолотого кофе и поджаренного хлеба. Жена вставала раньше него и раньше уходила на работу. «Может быть, не вставать, подождать, пока Ася уйдет?» – промелькнула мысль. Хотя сегодня все казалось не таким уж и мрачным, он пока не хотел ничего рассказывать жене, пусть не волнуется и думает, что он действительно решил немного отдохнуть. А там видно будет. Он никого не обманывает, просто немного не договаривает. Ему самому надо сначала во всем разобраться.

– Аркаша, – жена неожиданно почти вбежала в спальню, – я убегаю. Вещи собраны, отдыхай, за меня не волнуйся. Я так рада, что ты едешь. Не иначе, как Максим постарался, сам бы ты никогда за путевкой не пошел. Молодец он, все-таки. Ну, все, мне пора. Как договорились, в выходные я к тебе приеду. Позвони обязательно, ладно? Не забудь.

Всю эту речь она произнесла, одновременно одеваясь, подкрашивая ресницы и закалывая волосы в тугий пучок.

Аркадий стоял с шубой в руках и смотрел, как Ася перед зеркалом надевает кокетливый берет из голубой норки.

– Аська, ты такая молодая! – он обмотал жену шубой и прижал к себе. – Смотри, веди себя хорошо, пока меня не будет.

– Вот дурачок-то, – Ася повернулась к нему лицом. – Ты забыл, что я уже трижды бабушка и два года, как на пенсии. А на пенсии – не побалуешь! – она сделала строгое лицо и шутливо погрозила пальчиком.

– Это точно, не побалуешь, – согласился Аркадий и помог ей надеть шубу.

* * *

Ровно в девять часов служебная «Волга» стояла у подъезда.

– Доброе утро, Виталик, – поздоровался Аркадий, садясь в машину.

– Доброе, – улыбаясь ответил водитель, молодой парень, работавший у него уже третий год. Аркадию нравился этот приветливый, улыбчивый и смысленый парнишка.

– Вот, Максим Петрович просил Вам передать, – он протянул запечатанный конверт. В нем, кроме заполненной на его имя путевки, лежала ксерокопия заявления, которое он вчера оставил на своем рабочем столе. В верхнем левом углу наискосок уверенным почерком была сделана надпись: «Все будет хорошо!». «Куда уж лучше», – усмехнулся про себя Аркадий, хотя в следующее мгновенье ему стало стыдно за

то, что он мысленно обидел Максима. Ведь в данный момент – это было единственное, чем тот мог его подбодрить. «Ладно, Макс, спасибо и на этом», – Аркадий повернулся к водителю.

– Поехали, Виталик. Жить-то никогда не поздно?! Верно, а?

– Верно, – растерянно согласился тот, не очень понимая, о чем идет речь.

* * *

Неширокая двухрядная дорога петляла среди обсыпанного снегом леса. «О чем думали, когда строили?» – размышлял Аркадий Львович, глядя на предупреждающие указатели, стоящие через каждые сто метров. «А зато красиво как!» Наконец они свернули на узкую, но хорошо расчищенную дорожку и подъехали к большим зеленым воротам. Бдительный охранник, проверив документы, разрешил им проехать к центральному входу в красивое невысокое здание, стилизованное под старинный замок.

– Научились же делать, – с удовлетворением заметил Аркадий. – Как здесь тихо.

Он оглянулся по сторонам. Действительно, здесь было необыкновенно тихо, словно в километре отсюда не было оживленной дороги, а чуть подальше – большого города с его заводами, школами, шумом и суетой. Казалось, что эти

массивные двери, закрывшись за ним, должны отсесть от него все неприятности. «Маскарад, – подумал Аркадий, – этим не решить проблемы». Но его, словно магнитом, тянуло туда, где хоть ненадолго можно было хотя бы отвлечься от них.

– Проходите, Аркадий Львович, – Виталик, держа сумку в одной руке, другой открыл дверь.

Администратор, приветливая немолодая женщина в накрахмаленной белой блузке, оформив все необходимые документы, выдала ключ от номера.

– Приятного вам отдыха, – с улыбкой проговорила она так, словно произносила ее впервые, – если будет нужна помощь, звоните. Внутренний телефон указан на аппарате.

– А в город звонить можно? – спросил Аркадий.

– Конечно, через «0». Сумма будет включена в ваш счет. Оплатить можно в любое время.

– Приятный сервис, хоть и ненавязчивый, – пошутил Аркадий.

Администратор понимающе улыbnулась в ответ. Она тоже помнила аналогичную шутку двадцатилетней давности про «ненавязчивый сервис».

* * *

Они поднялись на второй этаж и вошли в номер.

– Вот это да! – воскликнул пораженный Виталик, обводя взглядом двухкомнатные апартаменты «люкс» с телефо-

ном, телевизором, холодильником и даже музыкальным центром. – Как в кино. Отдыхайте, Аркадий Львович, набирайтесь сил и к нам обратно. Скорее бы этот месяц кончился, извините, конечно. Привык я с вами «кататься».

– Ладно, Виталик, не горюй. Привыкнуть ко всему можно. Только стоит ли?

– Не знаю, – не сразу нашелся, что ответить Виталик. Второй раз за сегодняшнее утро он не понимал своего шефа.

* * *

Виталик ушел. Аркадий расстегнул пальто и, не раздеваясь, опустился в глубокое кресло. Сейчас ему казалось, что все его тело представляет собой кусок какого-то тягучего теста, растекшийся по этому креслу. И мысли тоже такие тягучие и неповоротливые, и веки ватными шорами опустились на глаза, и, чтобы их поднять, нужно протянуть руку, а она – такая тяжелая, и, чтобы ею пошевелить, нужно столько сил... А сил-то нет... Кончились силы... «Как же я устал», – подумал Аркадий и крепко уснул.

Ему снился странный сон. Он летал. Как в детстве, широко раскинув руки. Свободно и легко... Нежные трели птиц заполняли перезвоном прозрачное пространство вокруг него... Вдруг что-то произошло. Он не понял, почему, но двигаться стало труднее. Птичий гомон доносился все глуше. Его, словно в воронку, затягивало в какую-то вязкую

темноту, откуда веяло холодом и страхом. «Что со мной будет?» – испуганно думал он, чувствуя, что его все глубже и глубже засасывает в эту мрачную бездну. Он пытался за что-нибудь зацепиться руками, но они отказывались его слушать. Противный серый туман просачивался сквозь безвольные пальцы, не оставляя ни малейшей надежды на спасение. «Будь, что будет,» – устало подумал он и попытался опустить руки. Но они, словно крылья, раскинутые в стороны, поддерживали его полет, не давая упасть... Вдруг где-то впереди, далеко-далеко показалось маленькое светлое пятнышко. Оно стремительно приближалось, и вот уже теплые лучи коснулись его, и где-то совсем близко раздался резкий птичий свист. «Как громко», – подумал он и проснулся.

На небольшой тумбочке рядом с креслом разрывался телефон. Аркадий рывком протянул руку, но трубка выскользнула из онемевших пальцев. Он еле успел ее подхватить и прижать к уху, поддерживая плечом.

– Аркадий Львович, – услышал он голос администратора, – спуститесь, пожалуйста, в столовую, а то обед заканчивается.

– Спасибо, – поблагодарил Аркадий и посмотрел на часы. «Вот это я дал! Половина второго», – подумал он и поднялся с кресла.

Столовая скорее напоминала зал хорошего ресторана. Правильно сервированные столики, блестящие столовые приборы, накрахмаленные салфетки. Один вид всего этого

вызывал аппетит. Аркадий сел на место, указанное в специальном талончике. Столик был рассчитан на четверых, но два места были пустыми, а на третьем мужчина лет пятидесяти пяти допивал сок.

– Добрый день, – поприветствовал его Аркадий.

– Добрый, – ответил мужчина, отставляя от себя пустой стакан. – Только приехали?

– Да, первый день, – ответил Аркадий, оценивая про себя, вступать ли с ним в более откровенный разговор.

– Желаю приятного аппетита и хорошего отдыха, – сказал мужчина, поднимаясь из-за стола.

– Спасибо, – Аркадий взял меню. Разговаривать расхотелось.

Обед оказался очень вкусным и сытным. Он даже взял с собой сдобную булочку, потому что съесть ее здесь уже не было никакой возможности.

Придя в номер, он первым делом позвонил жене.

– Асенька, я отлично устроился. Кормят, как на убой, даже хватает на сухой паек. Приезжай в воскресенье, я договорился. Можешь и Полиночку захватить, места хватит. Заплатим за питание – и все.

Он улыбнулся, вспомнив эту шустрюю черноглазую девчушку, которую безумно любил. Ему вдруг так захотелось ее крепко прижать к себе...

– Возьми Полюшку, ладно? Я соскучился, просто сил нет.

– Ладно, соскучился, – насмешливо проворчала Ася. – А

позавчера кто ее ругал по телефону? Забыл? Любящий дедуля.

– Поругать вовремя тоже невредно, – оправдался Аркадий. – Но постарайся ее привезти, ладно?

– Ладно, уж так и быть. Нигде от вас не отдохнешь, – вздохнула Ася, хотя сама тоже души не чаяла во внучке.

Аркадий положил трубку и взял со столика цветной яркий журнал. «Ну-ка, что нам сегодня показывают?» – он полистал страницы, отыскивая программу телепередач. «Когда я последний раз смотрел телевизор?» – подумал он, укладываясь поудобнее на мягком диване. Через десять минут раскрытый журнал мерно вздымался на его груди в такт глубокому и спокойному дыханию.

* * *

Ужин по расписанию был в семь часов. Когда Аркадий спустился в столовую, мужчина уже был там.

– Добрый вечер, приятного аппетита, – поприветствовал его Аркадий, усаживаясь на свое место.

– Добрый, и вам тоже, – ответил мужчина. – Меня зовут Евгений Валентинович, можно Евгений.

– Аркадий Львович, можно Аркадий.

Мужчины немного привстали и пожали друг другу руки.

– Очень приятно, – ответили они почти одновременно, возвращаясь к прерванному ужину.

– Я тут уже, в какой-то степени, старожил, – заговорил первым Евгений. – Если нужна будет какая-нибудь помощь, не стесняйтесь.

– Спасибо, – ответил Аркадий. – Обязательно воспользуюсь.

Аркадию был симпатичен этот мужчина. Он вообще быстро сходился с людьми, и для него не были в тягость новые знакомства. А Евгений подкупал своей тактичностью и сдержанностью, что, при всей кажущейся легкости в общении, Аркадий очень ценил в людях.

После ужина они обошли все достопримечательности санатория. Изучение прилегающих окрестностей было отложено на следующий день.

* * *

Утро началось с беседы на медицинские темы в кабинете главного врача. Это оказалось нелегким занятием. В какой-то момент Аркадий даже пожалел, что не поехал в обычный «Дом отдыха». Но тут же вспомнил, при каких обстоятельствах он сюда попал, и что сам бы точно вообще никуда не поехал. Пришлось смириться, и из кабинета он выходил с внушительной пачкой описаний и схем приема настоев, расписаний массажей, прогулок и всего, что должно было за двадцать четыре дня восстановить то, что он утрачивал ежедневно в течение многих лет.

Время, подчиненное определенному распорядку, летело незаметно. Первые дни он отсыпался, и прикрепленной к нему медицинской сестре приходилось по несколько раз напоминать ему о времени очередной процедуры. Потом втянулся и к концу третьей недели уже чувствовал себя вполне отдохнувшим.

Однажды вечером после ужина Аркадий сидел в «Зимнем саду» и читал книгу, взятую в библиотеке несколько дней назад. Книга была не очень интересной, и мысли постепенно начали переключаться на его собственные проблемы. Что они могут ему предложить? Быть каким-нибудь консультантом – это в лучшем случае. А в худшем? Совсем уйти? Куда? В этом возрасте найти какую-нибудь работу просто нереально, даже с его знаниями. Он прекрасно отдавал себе в этом отчет. А консультант? Сидеть и ждать, когда они о чем-то спросят. А если не спросят? Получать деньги просто так он не привык. Да еще и неизвестно, какие деньги они ему предложат. Ведь он тоже все-таки привык к определенному образу жизни. И вот так сразу все поменять? Да, столько вопросов, и хотя бы один ответ. А ответ-то и нужен всего один, но он пока не находил его.

Аркадий прикрыл глаза и откинул руку за спинку мягкого кожаного диванчика, на котором сидел. Его пальцы гладили ствол какого-то большого растения, росшего в широкой напольной кадучке. Кора деревца была такой прохладной и гладкой, что он повернулся, чтобы посмотреть на это

чудо. Вдруг его взгляд упал на небольшую книжечку, лежащую среди выющейся зеленой массы, полностью прикрывающей землю и корни. «Несколько уроков для начинающего бизнесмена», – прочитал он на обложке. «Теперь все бизнесмены, – вздохнув, подумал Аркадий. – Не для нас все это». Он взял книжку и подошел к администратору:

– Мария Ильинична, вот, наверное, кто-то в саду забыл.

– Спасибо, Аркадий Львович, я вот здесь положу, на видном месте. Чего только не забывают. Не волнуйтесь, отыщется хозяин.

Аркадий поднялся к себе в номер. «А что, может быть, и мне заняться, старому?» Почему-то впервые он ощутил себя старым. Может быть, потому, что впервые почувствовал, что не все ему по силам? С какого бока подходить к этому бизнесу? Нет, конечно, в общих чертах он себе представлял, но ведь там мало быть просто отличным профессионалом. Есть бесконечная масса вопросов, с которыми он никогда вплотную не сталкивался, а о некоторых, наверное, и вообще не слышал. Нет, одному ему не поднять. Тогда что? Может быть, посоветоваться с кем-нибудь? Аська, конечно, скажет, что всех денег не заработаешь, сиди лучше дома. С Полинкой занимайся. Полиночка – прелесть, но ведь он-то еще и поработал бы. Только где?

Аркадий встал с кресла, подошел к шкафу и достал из внутреннего кармана пиджака записную книжку. «Так, куда же я его записал? Скорее всего, на «Е», – думал он, листая

затертые странички. Новых знакомых он обычно записывал не по фамилии, а по имени, ему так легче было запомнить. «Так, Евгений Валентинович, 236-...». Аркадий вернулся в комнату, сел в кресло и пододвинул к себе телефонный аппарат. Он долго слушал длинные гудки, потом с сожалением положил трубку. Пожалуй, Евгений был сейчас единственным человеком, чей совет Аркадию был бы интересен, даже необходим. За то время, которое они провели вместе, у него создалось впечатление, что у Евгения было свое мнение по всем вопросам и он как-то очень обстоятельно умел его отстаивать. «И почему мы с ним тогда не поговорили на эту тему? Сколько времени было», – с удивлением подумал Аркадий. Теперь это казалось действительно странным.

Аркадий, не раздеваясь, прилег на диван. Ему вдруг вспомнился тот странный сон. И вдруг он снова ощутил неведомо откуда взявшуюся силу, выталкивающую его из этой обволакивающей тягучей массы. «Жаль, что я не умею сны разгадывать. Ведь не просто же так он мне приснился? На свет-то выбрался!» – подумал Аркадий. Он встал и нажал кнопку «REDIAL». Вторая попытка дозвониться тоже оказалась неудачной. «Не судьба, – подумал Аркадий. – Ладно, пора спать. Утро вечера мудренее».

* * *

В дверь постучали.

– Заходите, открыто, – отозвался Аркадий.

– Здравствуйте, Аркадий Львович, – Виталик широко улыбаясь, вошел в номер. – Что можно брать?

– Здравствуй, дорогой. Вот, сумочку возьми, пожалуйста, я пока пальто надену.

– Аркадий Львович, можно у Вас спросить?

– Спрашивай, не стесняйся, – Аркадий уже почувствовал, что именно того интересуется. На заводе такие слухи обычно быстро распространяются. – Я сам еще ничего точно не решил. Но думаю над этим вопросом. Усиленно.

– Аркадий Львович, – засмеялся Виталик, – откуда вы узнали? А вообще-то, если что надумаете, про меня не забудьте, ладно?

– Смышленный ты парень, Виталька, – Аркадий похлопал его по плечу, – ладно уж, так и быть, не забуду.

«Ну, ты даешь, Аркашка, самоуверенности хоть отбавляй. А может, это и к лучшему?», – то ли поругал, то ли похвалил себя Аркадий.

Они спустились в холл.

– До свидания, Мария Ильинична, – Аркадий подошел к стойке. – Спасибо. Отдохнул на «все сто». А это что? До сих пор никто не забрал?

– Наверное, уехали уже, забыли. Не возвращаться же из-за этого. А возьмите себе, может, когда пригодится, – Мария Ильинична сняла с полочки книжку и протянула Аркадию.

– Спасибо, может и пригодится, – ответил Аркадий, пряча

ее в карман пальто.

«Эх, бизнесмен, елки-палки», – подумал Аркадий, открывая выходную дверь. Яркий солнечный свет ослепил жгучим морозным теплом. Аркадий зажмурился и подставил лицо под этот мощный жизнотворный поток. «Живем, ребята!» – воскликнул он, запахивая пальто, и пошел к машине.

Декабрь, 2002

Каждому – свое

– Ну, и везет же тебе, Верка, – заворожено повторяла двенадцатилетняя Надька, пропуская между пальцев тонкое кружево свадебного платья, – вот бы мне такое.

– Везет, везет, – ворчливо повторяла слова старшей сестры Танька, закрашивая ярким лаком грязь на обломленных ногтях.

Младший Толик сосредоточенно ковырял палкой в дыре под плинтусом, показывая всем своим видом, что не мужское это дело всякие там свадьбы. Без Верки, конечно, будет плохо, ну и пусть. Раз он больше ей не нужен, пусть уходит. Он и так не пропадет.

Вера смотрела на свое отражение в грязном, засиженном мухами зеркале. В свои девятнадцать лет она уже давно перестала верить в сказки, тем более нереальным казалось все происходящее. И это белое платье, и фата, спускавшаяся на худенькие плечи, и этот легкомысленный завиток, выбившийся из пряди русых волос. Вера критически осмотрела глаза, смахнула лишнюю пудру на щеках, провела пальцем по уголкам слегка подкрашенных губ, и вдруг взгляд ее переместился чуть назад, в глубину этой мрачной неуютной комнаты. На таком убогом фоне ее счастье выглядело даже каким-то неприличным.

Вера медленно повернулась. Дети притихли. Внутри что-

то надломилось.

– Ну, хотите, я никуда не поеду, а? – еле слышным голосом спросила она, словно боялась услышать утвердительный ответ.

Она переводила взгляд с одного на другого.

– Ну, ты что, мы маленькие что ли? – самоуверенно заявила Надька, которой не терпелось покомандовать младшими.

– Не маленькие мы, – повторила за ней Танька, отставляя в сторону то правую, то левую руку и любуясь переливающимся цветом на ногтях.

Толик упорно ковырял плитус, словно от этого зависело, останется Вера или уедет.

– Я буду приходить к вам, гостинцы приносить.

При слове «гостинцы» Толик оставил плитус и посмотрел на сестру. Гостинцы – это вкусно. Пусть едет.

– Доченька-а, – пьяный голос матери раздался от входной двери, – Витька приехал, на мирседесе, прямо прынц.

Вера вздрогнула. «Когда же она успела? Обещала, детьми клялась. И почему Виктор так рано? Ведь договаривались ровно в двенадцать, а сейчас без пятнадцати. Нельзя ему сюда».

Вера в последний раз кинула беглый взгляд на оборванные обои, схватила две бутылки водки, спрятанные в шкафу, и выбежала из квартиры.

Блюстители народных традиций, перекрывшие выход из подъезда мятой, выдавшей виды, лентой, довольно расступи-

лись, получив положенное угощение и пропуская девушку.

Виктор шел ей навстречу с небольшим букетом нежных роз и счастливо по-детски улыбался.

– Ну, что же ты? Я ведь все сам приготовил.

– Ладно, – улыбнулась Вера, – пригодится еще. Поехали, а-то опоздаем.

– Я люблю тебя, моя Вера-Верочка, – прошептал Виктор, глядя в ее синие глаза.

Вера замерла на какое-то мгновение и тихо ответила:

– Я тоже тебя люблю. Очень.

* * *

Свадебный кортеж подъехал к ЗАГСу.

– Вам придется подождать, – серьезно предупредила дама за невысокой стойкой, – у нас еще три пары не расписанные. Давайте паспорта. Кого будем заказывать? Фото, кино, музыка? Вот прайс.

На последнем слове она сделала особое ударение, подчеркивая его важность в настоящий момент.

Пока Виктор обсуждал программу церемонии, Вера прошла в специальную комнату для невест. Три девушки в подвенечных платьях искоса поглядывали друг на друга, время от времени поправляя перед зеркалом прическу и макияж. Вокруг суетились их подружки, мамы, бабушки, тети, возбужденно смеясь, то и дело щелкая фотовспышками. С Ве-

рой не было никого, кроме свидетельницы, знакомой Виктора.

Как они познакомились? Мать убирала в офисах, и Вера, как самая старшая, иногда помогала. Поначалу мать ей доверяла мыть коридор и вытирать пыль с подоконников. Пила она тогда редко и работу не пропускала. Кое-как Вере и ее двум сестрам-погодкам хватало, не голодали. Потом появился этот рыжий Генка. Тут все и началось. Ругань, драки, пьяные друзья с трясущимися руками и скользкими взглядами. Чтобы не потерять место, Вера все чаще заменяла мать на работе. Вера заканчивала девятый класс, когда родился Толик. Летом пришлось бросить школу и оформиться на работу вместо матери, хорошо, что еще отнеслись с пониманием, все-таки пятнадцать лет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.